

УДК 82.09
908
ББК 83.0

Святославский Алексей Владимирович
доктор культурологии, профессор кафедры русской классической литературы
Института филологии Московского педагогического государственного университета
platoacademia@yandex.ru

Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в фокусе литературной критики: Pro et contra

Аннотация: В статье сделана попытка проследить константы и переменные в динамике восприятия образа главного героя горьковского романа-хроники в меняющемся контексте представлений о месте и роли русской интеллигенции со времени выхода первой книги романа «Жизнь Клима Самгина» и до настоящего времени. Автор доклада ищет ответы на ряд вопросов, среди которых вопросы о том, насколько типичным и весомым в социальном контексте русской жизни получился образ Клима Самгина у Горького; насколько актуальным остается для современного читателя прочтение этого образа как «истории пустой души» в соответствии с первоначальным замыслом писателя; обусловлен ли традиционный негатив в восприятии образа Клима Самгина тем, что он воплощение ненавистного Горькому мещанства, или тем, что он не верит в идеалы революционной перестройки общества; возможно ли оправдание жизненной позиции Клима Самгина современным читателем? В поисках ответов автор доклада обращается помимо горьковедческих работ разных эпох – к анализу рецепции образа главного героя романа современными студентами-гуманитариями.

Ключевые слова: М. Горький. «Жизнь Клима Самгина», интеллигенция, мещанство, рецепция, русская литература XX в., советская литература

Summary: The article attempts to trace the constants and variables in the dynamics of perception of the image of the main character of the Gorky novel-chronicle in the changing context of ideas about the place and role of the Russian intelligentsia since the first book of the novel “The Life of Klim Samgin” and to the present. The author of the report is looking for answers to a number of questions, including questions about how typical and weighty in the social context of Russian life was the image of Klim Samgin; how relevant for the modern reader is to perceive this image as a “history of an empty soul” in accordance with the original intention of the writer; whether the traditional negativity in the perception of the image of Klim Samgin is due to the fact that he embodies bourgeois hated by Gorky, or because he does not believe in the ideals of the revolutionary restructuring of society; Is it possible to justify the life position of Klim Samgin by a modern reader? In search of answers, the author of the report addresses, in addition to the professional critics, to the opinions of university students.

Keywords: Maxim Gorky, “Life of Klim Samgin”, the 20th cent. Russian literature, intelligentsia, filistinism

Обращение к проблеме рецепции романа «Жизнь Клима Самгина», описанных там событий, к прочтению образов героев, образа автора и образа самого писателя Максима Горького – предполагает вхождение в более общую область историко-культурологического знания, связанную с изучением формирования исторических образов. Восприятие всякого произведения пропущено через мировоззренческий фильтр читателя, от чего подчас выносятся совершенно противоположные оценки. Общая картина динамики восприятия романа Горького, главного героя и оценок его в советской критике XX века представлена и проанализирована в работе Т. Р. Гавриш¹. А. И. Овчаренко в работе «М. Горький и литературные искания XX

¹ Гавриш Т. Р. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького в литературном процессе 1920 -нач. 1930-х гг. – Дисс. канд. филол. наук. Москва. ИМЛИ РАН, 1999. – 210 с.

столетия»² дал подробный анализ реакции на роман зарубежной критики, включая представителей русских эмигрантских кругов.

В целом картина представляется сегодня следующим образом. Период с 1927 г. (публикация первой части романа) и до кончины Горького в 1936 г. характеризовался в СССР довольно широким спектром мнений: от восхищения романом до жесткой критики всех его аспектов, несмотря на кажущуюся сегодня заданность литературной критики того времени единой идеологической позицией. После 1936 г. ситуация в СССР меняется в сторону безусловного славословия Горького, подменившего научный анализ «Жизни Клим Самгина» и других произведений. На Горького наводят глянец.

Критическое отношение к образу главного героя как попытке Горького осудить российскую интеллигенцию было характерно для значительной части эмигрантской критики, что вполне естественно, ибо, по свидетельству самого писателя, замысел романа рождался в свое время как реакция на выход сборника «Вехи» с осуждением части российской интеллигенции, повинной в революционизации России. «А то еще есть альманах “Вехи” – мерзейшая книжица за всю историю русской литературы», – писал Горький Е. П. Пешковой в 1909 г.³.

Негативные оценки романа Горького происходили и из недр РАППа, отчасти сохранив себя в критике 1930-х гг. после ликвидации РАППа и были вызваны тем, что Горький избрал «зеркалом» славной российской революционной истории столь ничтожную личность вместо того, чтобы сделать главным героем носителя правильной пролетарской идеологии. Но открытая критика романа в СССР затухала постепенно по вполне понятным причинам: Горький возвращается в Россию, становится сверхважной фигурой для идеологии и политики государства, лично для И. В. Сталина, его любят широкие массы народа, и тем самым на долгие годы вперед обеспечивается стопроцентно положительная оценка его творчества, за вычетом периода «богоискательства» и публикации «Несвоевременных мыслей».

Вполне естественно, что по концепции идеологического маятника (весьма характерного для России) период безудержного славословия Горького должен был рано или поздно смениться резко негативным отношением к нему, что и произошло в 1990-х гг. Горького теперь охотно осуждали, в том числе, за то, чего он не делал и о чем, возможно, не мыслил. Подобная ситуация, характерная, кстати, и в отношении других классиков советской литературы, также затрудняла трезвый анализ творчества Горького, его роли в отечественном литературном процессе. Нельзя не отметить и того факта, что характерная для Горького и большевиков резко негативная оценка деятельности «веховцев» (Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и др.), которых сам Горький называл среди прототипов Клим

² Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. 3-е изд. М.: Худож. литература, 1982. – 590 с.

³ Горький М. / А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой (1906–1932). В 2-х кн. Т. IX. М.: Наука, 1966. – С. 65

Самгина, сменилась в 1990-х позитивной – в трудах многих авторитетных литераторов и ученых-гуманитариев. Причем, не потому просто, что стало модно ругать все советское, но потому, что история расставила многое по своим местам, красивая идея практического воплощения марксизма на российской почве потерпела неудачу. Владелец умов многих россиян стали А. И. Солженицын, религиозные мыслители, монархисты – отношение которых к «веховцам», к российской революции и к самому Горькому сильно отличалось от привычной советской идеологической позиции. Однако во втором десятилетии XXI в. мы уже вновь наблюдаем признаки очередного движения социально-идеологического маятника вспять. Профессиональные социологические исследования (ВЦИОМ, Левада-центр, социологические службы СМИ) фиксируют резкое нарастание симпатий масс к утраченному советскому строю, обязанному своим существованием тем самым революциям, жестокости которых так пугали эмиграцию, а одно время и самого Горького. Но здесь опять встает проблема разрыва между исторической реальностью и отображением ее в образах культурной памяти. Этот самый советский период истории России представлен в достаточно поляризованном сознании наших современников, так, что один полюс мнений видит советскую эпоху в исключительно розовых тонах, другой же характеризуется, напротив, формированием образа советской власти как тоталитарного зла, убившего свободную личность. Из образа Максима Горького сегодня делают то внутреннего эмигранта, который, увидев истинное положение дел в СССР, осудил его и тайно хотел вернуться в Европу, то, наоборот, продолжая тенденцию 1990-х – винят его как участника процесса закабаления личности в рамках новой советской идеологии, как человека, благословившего ГУЛАГ и проч. Нам кажутся обе позиции лишенными научного историзма в анализе творчества Горького, мы не можем заставить Горького смотреть на мир нашими глазами, его позиция – это итог всей прожитой им жизни в контексте исторической эпохи.

Главная сложность трезвой оценки «Жизни Клим Самгина», как отмечалось не раз, связана с тем, что роман предстает явлением двухплановым. С одной стороны, это историческая хроника-эпопея, о чем свидетельствовал сам Горький и что выразилось в немалом объеме произведения и подзаголовке «Сорок лет», с другой – это социально-психологический роман, во многом сосредоточенный на личности героя, о чем свидетельствует окончательный вариант названия романа, а также рабочий вариант – «История пустой души».

В данной статье мы не обращаемся к анализу всех аспектов романа «Жизнь Клим Самгина», сосредоточившись на образе главного героя.

Насколько вообще актуален сегодня роман Горького, прочтение которого требует от рядового читателя, на наш взгляд, куда больше терпения, чем даже освоение немалых объемов «Войны и мира» или «Тихого Дона»? Чтобы получить ответ, нужно обозначить ряд более частных вопросов. Как понимать историческую «типичность» образа интеллигента, о которой говорит Горький? Что такое русский интеллигент? «Самгинство» есть

свойство большинства или меньшинства русских интеллигентов нач. XX века? Насколько Клим Самгин удался как образ, соответствующий замыслу автора, или он «ушел» от автора и стал жить своей жизнью? Может ли Клим Самгин выглядеть положительным героем в глазах читателя, не приемлющего марксизм и идею социальной революции? Возможно ли оправдание Самгина с позиций современного читателя? Есть ли в Самгине что-то от самого писателя или, возможно, это антипод личности Горького? Оправдано ли мнение, что черты личности Самгина в той или иной мере присущи большинству людей всех эпох, и роман Горького может быть прочитан как морально-дидактическое произведение?

Сопоставляя и анализируя различные точки зрения по поводу фигуры Клим Самгина, остановимся вначале на статье А. В. Луначарского с характерным названием «Самгин», увидевшей свет в 1932 г. по выходе первых трех частей горьковского романа. Именно Луначарский четко поставил главные вопросы, касающиеся рецепции и интерпретации образа горьковского героя и убедительно ответил на них с позиций русского интеллигента-большевика с дореволюционным стажем, оставшегося верным идее необходимости радикального социального преобразования России. Собственно, эта статья во многом задавала вектор восприятия романа Горького и его главного героя, вылившийся позднее в официальную позицию советского литературоведения. Жанровую особенность романа Луначарский определяет немецкоязычным термином *Bildungsroman*, то есть роман о становлении характера молодого человека.

Интеллигенцию в целом Луначарский рассматривает как «группу мелкобуржуазную», капиталом она не обладает, но продает свой труд капиталистам или государству, которое тоже обслуживает богатых. Из этой группы выделяется часть интеллектуальных тружеников, врачей, педагогов, деятелей искусства, которые по определению (труженики) близки к социализму. Таковы были и подвижники-разночинцы XIX века. Они сохранили чистоту совести и тем самым моральный авторитет, отмечает Луначарский⁴. Таким образом, российская интеллигенция оказывается расколота по принципу служения интересам крестьянства (XIX век) и пролетариату (XX век), или, напротив, служения капиталу и антинародному государству.

Но доля этой прогрессивной интеллигенции представляется Луначарскому не слишком внушительной, поскольку он замечает, что «все-таки известная, очень широкая часть интеллигенции может посчитать себя уязвленной этими тремя томами»⁵. Разница психологических типов сводится к тому, что первые готовы отдавать себя общему делу, делу интересов народа, вторые – заботятся лишь о собственных удобствах, при этом испытывая равнодушие, страх или высокомерие по отношению к народу. Характерной чертой вторых является, по Луначарскому, их бесполезность, заставляющая создавать иллюзию собственной значимости, в том числе

⁴ Луначарский А. В. Самгин // Луначарский А. В. О Горьком. М.: Худож. литература, 1975. – С. 120.

⁵ Там же. С. 109.

путем бесконечного суесловия. Революцию Самгины ненавидят, потому что она нарушит удобный ход их жизни и откроет их истинное лицо.

Осуждая «самгианство», считает Луначарский, Горький делает полезное дело, переводя роман в воспитательную плоскость. Несмотря на большевистский радикализм, Луначарский понимает, что граница между двумя типами интеллигентов до некоторой степени условна, что черты Самгина в той или иной степени продолжают жить в представителях уже новой, советской, интеллигенции, а значит, читая роман, читателю полезно примерить черты Самгина на себя. «Хороший, здоровый тип, готовясь празднословить, или сделать пустое дело, или еще что-нибудь в этом роде, вспомнив Клима Самгина, вдруг спросит себя: “А не похож ли я буду на сего джентльмена”?»», – делает вывод Луначарский⁶.

Б. Бялик⁷ при анализе образа Самгина совершенно справедливо обращается к теме «Горький и мещанство». Очевидно, что осуждение мещанства проходит сквозь все творчество Горького, включая его драматические и прозаические произведения, выступления, письма и статьи. Бялик цитирует характеристику мещанства из горьковской статьи 1905 года «Заметки о мещанстве» (уродливо развитое чувство собственности, страх перед всем, что нарушает личный покой и т.д.), прилагая ее к образу Клима Самгина и получая портрет его души.

Анализируя роман «Жизнь Клима Самгина», нельзя не вспомнить слова Горького из выступления на I Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. Горький тогда говорил: «О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и др.»⁸.

Проблема в том, что феномен, понимаемый Горьким как мещанство, в реальности характеризует весьма обширное явление массовой культуры в европейском обществе. Теоретик массовой культуры Х. Ортега-и Гассет среди определяющих черт носителя массовой культуры, которого по-русски можно назвать мещанином, обозначает эгоизм («жизнь для себя»), непрерывное стремление к улучшению личного комфорта, притязание на различные права в ущерб обязанностям. Ощущение собственного превосходства над людьми заставляет массового человека «навязывать свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно»⁹. Горький в статье «О социалистическом реализме» (1933) и в выступлении на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934) рассуждает о том, что мещанство, несмотря на свое мелкобуржуазное происхождение, не ушло в прошлое и черты его проявляют себя в советском обществе, среди новой интеллигенции.

⁶ Там же. С. 125

⁷ Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М.: Худож. литература – 392 с.

⁸ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. – С. 16.

⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. С. 88.

Горький отчасти сам попытался ответить на некоторые поставленные нами выше вопросы в известном выступлении на заседании редакционного совета Издательства ВЦСПС в 1931 г. Тогда он вновь вспомнил о «Вехах» и кадетской интеллигенции, которой не по пути с рабочим революционизированным классом. «У меня явилось желание, – объяснял писатель, – дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но, кроме того, я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии. Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишенного каких-либо ярких качеств, проходит в литературе на протяжении всего XIX века. /.../ Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне»¹⁰. Но при этом Горький говорит об авторском замысле романа, предметом же нашего анализа стала его рецепция.

Возникает вопрос, возможен ли такой тип в жизни? Ф. Энгельс в известном определении художественного реализма обозначил, что данный метод «предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типических характеров в типических обстоятельствах»¹¹. Социалистический же реализм, образцом которого всегда считался анализируемый роман Горького, теоретики литературы в то время понимали как метод, требующий от художника «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии», причем «правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма»¹². Таким образом, встают вопросы, насколько образ главного героя жизненный, жизнеподобный, и насколько он типичен – если исходить из приведенных и ставших каноническими в советское время характеристик реализма? С одной стороны, можно упрекнуть Горького, что он потратил столько сил, чтобы подробнейшим образом расписать жизнь человека, отказав ему в каких-либо достоинствах, в добрых поступках, идущих от души, а не от корысти или страха, хотя бы в добрых побуждениях. Друзей и даже истинных приятелей у него нет, к женщинам он подходит потребительски, гражданская активность его оказывается вынужденной и неискренней и т. д. Тогда кажется, что Горький перебрал черной краски, а образ не жизнеподобен. С другой стороны, вспоминается предание о высказанном в разговоре намеке Горького на себя самого как прототипа Клим Самгина. Конечно, легче всего отвергнуть подобную гипотезу, хотя бы на основании того, что Горький по

¹⁰ Горький М. Собр. соч. В 30 тт. Т. 19. «Жизнь Клим Самгина». 1925–1935. Примечания. М.: ГИХЛ, 1952. – С. 541.

¹¹ Энгельс / Ф. Энгельс – Маргарет Гаркнесс, апрель 1888. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1965. С. 35.

¹² Устав Союза Советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Приложение VIII. М., 1934. С. 716 с.

натуре искренний альтруист, не замкнутый в собственном эгоизме. Однако, намек Горького, если и был таковой, может быть истолкован совершенно по-другому – как мысль о том, что какие-то черты Самгина в той или иной мере сидят в каждом человеке, и смысл жизни, смысл духовного роста и сводится к стремлению преодолеть в себе «самгинщину». Типичность Клим Самгина заключается в типичности отрицательных черт его характера, которые в зародыше существуют в каждом. Это та двойственность личности, на которую обращает внимание христианская картина мира, понимающая человека как, с одной стороны, сотворенного «по образу и подобию» Всевышнего, а с другой, несущего на себе от рождения печать первородного греха. Тогда, действительно роман отвечает установке соцреализма на воспитание «нового» человека как личности, радеющей о общественных интересах.

Вспоминается предание о святом подвижнике, который, придя к исповеднику рассказал ему о своих грешных побуждениях – как о совершенных поступках. Так же и автор романа, и читатель – могут поймать себя на побуждениях и мыслях, которые хорошо соответствуют поступкам отрицательного романного героя. Ведь талантливый писатель тем и талантлив, что он условно проживает жизнь своих героев, и плохих, и хороших, из-за чего в свое время пострадал, например, Ф. М. Достоевский, обвиненный как личность Н. Н. Страховым в известном письме к Л. Н. Толстому, во многих грехах его литературных героев. Воспитательную роль «Жизни Клим Самгина» подчеркнул уже Луначарский в указанной выше работе, когда писал, что «те, в ком много Самгина, могут увидеть в его образе пощечину себе. Те, в ком его немного, увидят здесь как бы целебную хирургическую операцию, извлекающую из них больное»¹³. Действительно, для критически относящейся к себе и ищущей духовного роста личности характерна попытка примерить на себя одежды того, кто вызывает неприятие. Как верно подметил в свое время А. А. Волков, такого рода шанс Горький предоставляет и самому Самгину в общении с раздражающим его Иваном Дроновым, человеком, которого Клим ставит во всех отношениях ниже себя. «Дронов, по существу, тот же Самгин, только более одаренный и без самгинской маски народолюбца»¹⁴. Дронов сам подмечает это, обращаясь к Самгину: «Не торопись презирать меня /.../, у меня, брат, есть к тебе эдакое чувство... близости, сродства что ли...»¹⁵. Но Самгин, разумеется, не хочет видеть себя в этом зеркале и слова Дронова не вызывают у него ничего, кроме злости.

В переписке Горького с писателями обращают на себя внимание отзывы о романе М. Пришвина, Б. Пастернака и Ф. Гладкова. Пришвин, будучи лично знаком с Горьким, поддерживал с ним отношения до самой

¹³ Луначарский. Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Волков А. А. Художественный мир Горького (Советские годы) М.: Современник, 1978. – С. 309.

¹⁵ Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 тт. Т. 22. М.: Наука, 1974. – С. 620.

кончины последнего, однако после возвращения Горького в Россию встречались они только однажды, переписку же поддерживали регулярно.

Мнение Пришвина дорого еще тем, что Горький называл своего младшего литературного собрата (Пришвин был ненамного моложе Горького, но в литературу вошел на полтора десятилетия позже) одним из своих учителей (!), приводя это мнение, в частности, в письме к Гладкову, как пример того, что маститым литераторам полезно учиться у более молодого литературного поколения. Пришвин в переписке придерживается достаточно взвешенных и во многом положительных оценок романа «Жизнь Клима Самгина», однако в своем дневнике отзывается о прочитанной им в 1927 г. первой книге романа достаточно критически. «У Горького, – записывает Пришвин 25 октября 1927 г., – характерна бесконечная дробимость его выносных мыслей, образуется что-то вроде фарша в романе, которым начиняются лица все без различия пола и возраста, так что разговор гимназистов иногда можно отнести к беседе индусских мудрецов. И вот если у Гоголя является черт из трагедии сердца, то у Горького, я думаю, он выходит из трагедии разума, из упрямого желания разделять и бесконечно дробить то, что по существу своему не делимо. Притом эта подмена необходимого синтеза незаконным анализом происходит помимо воли автора, переносится где-то в его подсознательное я, и вот почему его творчество характерно чудовищными провалами. Говоря попросту, он при громадном художественном таланте, далеко превосходящем в смысле постижения жизни наше обычное разумное ее понимание, непременно хочет быть и обыкновенным разумником. Очень возможно, что его рассудочный герой Клим, который “учится любви”, и является образом Горького, который тоже все учится. Прочитав больше половины этого фаршированного романа, я с большой радостью отдохнул на подлинно горьковской странице про охоту на сома»¹⁶. Пришвина-читателя напрягают бесконечные рассудочные рефлексии Клима и диалоги, причем, в этой записи Пришвин, возможно, одним из первых обращает внимание на некоторую схожесть душевного склада Горького и его героя. В письме Горькому от 2-3 ноября 1927 г., высоко оценивая художественное мастерство Горького, Пришвин проводит мысль о том, что самое сильное в романе это историческая панорама и событийные сцены (охота на сома, описание Ходынской катастрофы, описание ярмарки в Нижнем Новгороде и под.), критикуя Горького за утомительность диалогов¹⁷.

Позднее, в дневнике 1946 года от 30 марта Пришвин как бы одергивает себя аналогией с «Климом Самгиным», работая в это время над романом «Осударева дорога»: «Под влиянием сна вчера написал целую новую 7-ю главу. И так хочу дальше, не засиживаясь, вперед и вперед /.../ иначе выйдет <как> у Горького его жвачка “Клим Самгин”»¹⁸.

¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003. – С. 509.

¹⁷ Пришвин – Горькому. 2-3 ноября 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 352.

¹⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1946-1947. М.: Новый хронограф, 2013. – С. 102.

Показательно, что именно в переписке с Пришвиным сам Горький уже в 1927 г. отмечает трудности в работе над романом. Бросается в глаза горькое пророчество самого автора о судьбе романа, который будучи к этому времени обласкан мировой славой, не питает иллюзий по поводу априорной успешности своей работы. «Роман мой я еще не кончил, – пишет Горький Пришвину из Сорренто, – и не знаю, когда кончу, но уже почти уверен, что это будет книга тяжелая и неудачная. Женщин писать я не умею, и они будут у меня, наверное, похожи на портрет римского папы, написанный католиком-китайцем (такой портрет был на Миссионерской выставке в Ватикане в anno santo) – папа-то косоглазенький и желтый вышел. Да. И вообще – парнишка я – бойкий, а таланта у меня – мало. Факт»¹⁹.

В унисон пришвинским словам о том, что отрицательный образ у Горького выходит не из «трагедии сердца», а из «трагедии разума» звучат обращенные к Горькому по прочтении «Самгина» строки из письма Федора Гладкова. «Очень вы много говорили и говорите о человеке, о любви к нему. А мне кажется, что вы не любите людей, презираете их и глумитесь над ними. И все, что вы пишете о людях, – все это от ума, и ум у вас какой-то диогеновский, а может быть и аввакумовский – горький и жуткий ум»²⁰.

О «Климе» как «тяжелой и трудной книге» Горький также писал 16 июня 1933 г. А. П. Чапыгину²¹. Однако, трудность чтения и осмысления романа Горького напротив была воспринята как достоинство – Б. Пастернаком, рассуждавшем в письме к Горькому о восприятии произведения и главных героев живущими и будущими поколениями. Считая первую книгу «Самгина» более удавшимся произведением, чем «Дело Артамоновых», Пастернак пишет: «Однако, вдумываясь (просто для себя) в причины художественного превосходства повести, я нахожу, что ее достоинства прямо связаны с тем, что читать ее труднее, чем “Д<ело> А<ртамоновых>”, что, обсуждая вещь, с интересом и надеждой тянешься к оговоркам и противоположениям, короче говоря, высота и весомость вещи в том, что ее судьба и строй подчинены более широким и основным законам духа, нежели беллетристика бесспорная»²². Здесь подмечена важная особенность читательской судьбы романа. Произведение, создававшееся в те годы, когда советские идеологи, включая самого Горького, рассуждали о формировании массового читателя и ориентировании на него новой, советской литературы, «Клим Самгин» оказался рассчитанным во многом на читателя-интеллектуала, тем более в том своем аспекте, которые не связан с описаниями ловли сома или Нижегородской ярмарки, а с осмыслением места и роли русской интеллигенции. Уже Пришвин в переписке с Горьким

¹⁹ Горький – Пришвину. Сорренто, апрель 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 345.

²⁰ Гладков – Горькому. Москва. 7 VIII. 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 97–99.

²¹ Горький – Чапыгину. Горки. 16 июня 1933 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 660.

²² Пастернак – Горькому. Москва. 23.XI 27. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 305.

отметил, что его восемнадцатилетний сын Петр (уже не ребенок), читая «Клима» выпускает бесконечные диалоги, заостряя внимание на *изображении*. Фактически в письме Пастернак указывает на интеллектуала-читателя, который составляет в СССР 1930-х гг. крайне незначительный процент. «Писатели и критики, равно как и читатели, были методологически и культурно мало подготовлены к объективному толкованию горьковского эпоса»²³, – отмечают современные исследователи.

Что думал сам Горький о рецепции романа? Т. Р. Гавриш отмечает, что «Горький, внимательно следивший за восприятием романа и его заглавного героя, пытался приостановить прочтение своего произведения только в рамках актуальных для 30-х годов социально-политических оценок»²⁴. При этом исследователь приводит свидетельство самого Горького из письма критику И. Груздеву от 18-19 февраля 1930 г., где Горький жалуется, что на поверку дня его Самгин выходит слишком негативным типом, которого сам автор слишком «энергично бичует», не желая того. А. И. Овчаренко, обращаясь к тому же адресованному Горьким к Груздеву письму, отмечает, что «антипатия его [Горького – А. С.] к Климу Самгину настолько сильна, что от произведения порой веет холодом»²⁵, но недовольство собой автора этот литературовед объясняет тем, что Горький, не отрицая личной антипатии, хотел бы искуснее скрыть авторское неприятие героя, подав его в более объективированном виде. Таким образом, Овчаренко переводит причины недовольства Горького из идейной плоскости в плоскость художественную.

Анализ приведенных точек зрения снова заставляет задаться вопросом: то ли Горький мировоззренчески эволюционировал уже в краткий период от середины 1920-х к моменту написания письма Груздеву (1930) и решил смягчить отношение к своему герою, отнестись с большим пониманием к человеческим слабостям и духовным поискам Самгина, то ли Горький был недоволен лишь подачей материала, выявившей чрезмерную идейную ангажированность писателя в образе автора и повествователя.

Но, как известно, и А. С. Пушкин в отношении своей Татьяны Лариной, и И. С. Тургенев в отношении Базарова, и многие другие писатели – сами «жаловались» на то, что герои их произведений вдруг начинают жить своей жизнью. Более того, в отношении сетований Горького на интерпретацию образа Клима в те самые нередко осуждаемые 1930-е годы, заметим, что позиция советских критиков, увидевших в Самгине тот самый приговор немалой части русской и европейской интеллигенции, о котором Горький мечтал, вынашивая замысел романа в начале века, – была вполне предсказуемой и очевидной для Горького как проницательного и мудрого

²³ Неженец Н. И., Палеева Н. Н. «Жизнь Клима Самгина»: Незавершенный роман Горького // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры. 2018. № 2. – С. 49.

²⁴ Гавриш Т. Р. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького в литературном процессе 1920 -нач. 1930-х гг. – Дисс. канд. филол. наук. Москва. ИМЛИ РАН, 1999. – С. 3.

²⁵ Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. 3-е изд. М.: Худож. литература, 1982. – С. 297.

человека. Возвращаясь к теории социально-идеологического маятника, который сегодня уже находится в позиции массовой ностальгии по советской эпохе, нельзя не сделать одной оговорки. При широком распространении религиозности, либерализма, буржуазных идеалов в российском обществе сегодня, среди публицистов и литературоведов стали нередкими попытки все той же корректировки образов советских писателей, но с иных, уже не советских, позиций. Можно встретить мнения, что Горький, Маяковский и др. были тайными верующими христианами, разочаровавшимися в советском строе, в политике Сталина, в радикализме большевиков и т. д., что Горький по приезде в СССР быстро превратился во «внутреннего эмигранта» и под. Однако внимательное знакомство с деятельностью Горького после возвращения в СССР, с его выступлениями, письмами, беседами, публицистикой – совершенно не дает оснований полагать, что Горький шел как-то «не в ногу» с идеологией той эпохи. Другое дело, что на него оказывалось давление и порой его статьи и тексты выступлений подвергались цензурной правке и редактированию²⁶. Но в целом, как нам кажется, Горький продолжал оправдывать свое звание «пролетарского писателя» и борца с буржуазным мещанством. По крайней мере, не хотелось бы подозревать его в неискренности. Обличительный пафос Горького в отношении столь нелюбимого им мещанства и оправдание политики большевиков в 1930-е гг. представляют Горького как вполне цельную натуру, при всех возможных душевных метаниях от помощи делу революции до осуждения этой самой революции в «Несвоевременных мыслях», оставшимся верным отрицанию «буржуазного» интеллигента прошлых эпох во имя создаваемого нового Человека. Эпоха же советская была поистине великой, но достаточно жестокой, поскольку иного пути История не выбрала. С другой стороны, как уже говорилось, нельзя не отметить достаточно широкого спектра мнений о «Климе Самгине» в самой советской критике кон. 1920 – нач. 1930-х гг., когда еще только начиналось бездумное воспевание Горького только за то, что он Горький.

В итоге встает следующий важный вопрос: насколько вызвана отрицательная критика романа в СССР, в постсоветской России и за границей – неприятием фигуры Горького как таковой, его жизненной позицией, его поддержкой советской власти, то есть причинами идеологического порядка, а насколько – изъянами художественного плана? В эпоху, когда в СССР полагалось безоговорочно славословить Горького, говорить и о второго рода причинах считалось неэтичным, роман «Жизнь Клима Самгина» подавался как удачный во всех отношениях, во-первых, потому что идеология абсолютно доминировала, а во-вторых, Горький был по определению признанным мастером слова. Однако сам Горький, не страдавший манией величия, как видим, признавался в больших трудностях работы над

²⁶ Спиридонова Л. А. Новые аспекты изучения творчества М. Горького (1930-е гг.) // Новый взгляд на М. Горького. М. Горький и его эпоха. Мат-лы и исслед. М.: Наследие, 1995. – С. 98–102.

последним романом, весьма жестко и критически отзывался о своем детище. И в итоге, так и не дописал его, что тоже видится знаковым фактом. Конечно, неправильно было бы сказать, что роман не удался, потому что не был дописан. Анализ причин недописанных романов – дело неблагодарное, хотя и увлекательное. Однако можно отважиться предположить, что в данном случае причина кроется в том, что Горький поставил перед собой слишком всеохватывающую задачу, «поставил вес», который не смог взять. Подобным образом два десятилетия спустя А. Т. Твардовский объяснит неудачу фадеевской «Черной металлургии». Однако, совершенно очевидно, что, тем не менее, роман состоялся и стал заметным фактом мировой культуры, хотя, возможно, не все удалось, как хотелось. Горький велик еще тем, что он абсолютно честен сам с собой, вопреки сонму голосов критиков, которые буду петь осанну Горькому как безупречному литератору просто потому, что Сталин и партия его любят. Сам писатель, как мы помним, заметил в цитированном письме Пришвину по поводу «Самгина», что это «будет книга тяжелая и неудачная».

И вернемся к вопросу: если роман по большому счету есть удача Горького, то все-таки на кого он рассчитан? Удачен ли он с позиций массового читателя, или лишь читателя элитарного, то есть интеллектуала, ищущего умственной гимнастики, с позиций эрудита, человека, озабоченного духовным ростом? Или ищущего ответа на вопросы о судьбе России? Или просто готового читать медленно и вдумчиво?

«Золотой серединой» в истории критической оценки произведения Горького нам видится признание того, что, оставаясь книгой нужной читателям во все времена, роман безусловно может быть подвергнут определенной критике в художественном отношении. Если даже не принимать во внимание упреки роману как пасквилю на русскую интеллигенцию, что имело место в Русском Зарубежье, то окажется, что все же была конструктивная критика со стороны своих, советских и ценящих Горького как такового, братьев по перу. Мы уже приводили мнение Пришвина. К нему добавляется мнение К. И. Чуковского, записавшего в дневнике 30 января 1928 г.: «Сегодня я читаю лекцию о Горьком и по этому случаю ночью, проснувшись, стал перелистывать “Жизнь Клима Самгина”. Отдельные куски – хороши, а все вместе ни к чему. Не картина, а панорама, на каждой странице узоры»²⁷. Чуковского, плакавшего при известии о кончине Горького, высказавшего и написавшего немало добрых слов о нем, нельзя обвинить в идейной неприязни к Горькому при всей разнице их мировоззрений. Характерна и запись о Горьком Александра Твардовского, тоже для себя – в дневнике от 20 апреля 1955 г. по прочтении переписки Горького²⁸: «Письма Горького – великий воистину, но тяжелый, малообаятельный, деланный и нудноватый человек»²⁹. Великий, но нудноватый. Не отразилась ли эта «нудноватость» Горького в образе Клима?

²⁷ Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969. В 2-х тт. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС – Звездный мир, 2003. – С. 507.

²⁸ В 1955 г. вышел том писем, завершивший 30-томное Собрание сочинений М. Горького.

²⁹ Твардовский А. Т. Дневник. 1950–1959. М.: ПРОЗАиК, 2013 – С. 200.

Георгий Адамович, будучи представителем эмигрантской литературы, однако критиковал роман Горького не за чуждые Русскому Зарубежью идейные установки, но за художественные недостатки. «"Жизнь Клима Самгина", – писал он в специальной статье, посвященной этому произведению, – скучна не столько по материалу или теме, сколько по манере изложения: бесконечный, медленный поток лиц, разговоров, событий и картин, без всякого развития и, в сущности, даже без фабулы /.../. В "Климе Самгине" встречается множество удачнейших, живых и очень ярких эпизодов, но в целое они будто "вкраплены" для развлечения читателя и тягучую ткань романа лишь иллюстрируют, как вставные картинки, с ней не сливаясь»³⁰.

Бросается в глаза, что приведенные отзывы о романе касаются, во-первых, одних и тех же художественных слабостей и, во-вторых, принадлежат не массовому читателю и не недоброжелателям Горького, а тем, кто традиционно высоко оценивал его мастерство и обладал художественным вкусом. Очевидно, что исправить указанные недостатки романа путем дальнейшего его «дописывания», следуя в том же русле и множа лиц, полилоги, диалоги, монологи, рефлексии и проч. было невозможно. А значит, даже лучше, что он остался незавершенным.

Клим Самгин, портрет которого подробно представлен в развитии на страницах 4-х томов романа, для автора олицетворяет пустоту (не случайно и рабочее название «История пустой души»). Для понимания его образа важен сон, «парад воспоминаний», героя из III части романа. «С бурною быстротой, возможной только в сновидениях, Самгин увидел себя на безлюдной, избитой дороге среди двух рядов старых берез, – рядом с ним шагал еще один Клим Самгин. День был солнечный, солнце жарко грело спину, но ни сам Клим, ни двойник его, ни деревья не имели тени, и это было очень тревожно /.../ Чувствуя, что он тоже падает, Самгин схватил спутника, поднял его и почувствовал, что он, как тень, не имеет веса. Но он был одет совершенно так же, как настоящий, живой Самгин и поэтому должен, должен был иметь какой-нибудь вес! Самгин высоко поднял его и швырнул прочь, на землю, – он разбился на куски, и тотчас вокруг Самгина размножились десятки фигур, совершенно подобных ему; они окружили его, стремительно побежали вместе с ним, и хотя все были невесомы, проницаемы, как тени, но страшно теснили его, толкали, сбивая с дороги, гнали вперед, – их становилось все больше, все они были горячие, и Самгин задыхался в их безмолвной, бесшумной толпе»³¹.

За аллюзией к роману А. Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемеля» (человек без тени) стоит образ Клима как человека не имеющего веса, не отбрасывающего тени и разбившегося на множество кусков – тех самых чужих идей, образов, к которым примеривается герой в романе и

³⁰ Адамович Г. В. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького // Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные заметки. В 5-ти кн. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / Подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 118.

³¹ Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 тт. Т. 23. М.: Наука, 1973. С. 139.

которые «теснят его» постоянно не во сне, а в жизни. В том же духе может быть символически интерпретирована повторяющаяся рефреном фраза «А был ли мальчик?», рожденная при неудачных поисках погибшего Бориса Варавки: «А был ли вообще сам Самгин?», – может спросить читатель, оставил ли он полезный след на земле?

На наш взгляд, образ главного героя, несмотря на критические отзывы, в целом стал художественной удачей Горького, в то время как образы положительных героев – большевиков, в первую очередь Кутузова, в романе прорисованы куда более схематично, возможно потому, что призваны лишь оттенить неправоту Самгина своей верной большевистской позицией. Впрочем, встречаются и иные мнения, например, у Б. Бялика, у В. Панкова, даже увидевшего в Кутузове черты В. И. Ленина³². Впрочем, в 1960-70-е гг. говорить о качестве изображения большевиков главным советским классиком полагалось исключительно в положительном ключе.

Автору данной статьи было небезынтересно узнать и мнение современных студентов-гуманитариев, с которыми проблема рецепции романа обсуждалась им по роду своей деятельности как преподавателя педагогического вуза. Большинство из них, отмечая значительность произведения как исторической эпопеи, в то же время солидаризуется с приведенными выше мнениями о чрезмерной перегруженности романа интеллигентскими рефлексиями. Что же касается осуждения мещанства, то нередко высказывались мнения о том, что для этого не обязательно было писать четыре тома незаконченного в итоге романа, когда, например, А. П. Чехов умел решать такую задачу на нескольких страницах короткого рассказа. Сравнение «Самгина» с рассказами Чехова прозвучало, кстати, в дневниковой записи М. М. Пришвина о разговоре с М. И. Калининым 19 апреля 1944 г. «Люблю Чехова, – сказал тогда Калинин – каждый раз читаешь, и все кажется по-новому, а вот Горький – тот хуже, и я это давным-давно говорил, что он больше публицист, чем художник /.../ Как этот роман его /.../ Самгин. Чего он там нагородил, и какой холодный, невозможно прочесть, каждое словечко обсосал»³³. Мнение Калинина вполне типично для массового читателя того времени, да и нынешнего тоже. Отсюда напрашивается ответ на поставленный выше вопрос о читателе, массовом или элитарном. У массового читателя, при отмеченной ценности изобразительной составляющей исторической эпопеи Горького, рассудочно-рефлексирующая сторона романа вызывает напряжение.

Основное впечатление от образа главного героя у автора данной статьи всегда сводилось к тому, что Горький хотел показать в Климе беспомощность значительной части русской интеллигенции перед лицом решения социальных и политических задач, той немалой части, которая радостно приветствовала Февральскую революцию 1917 года, а затем, войдя в новые органы власти, оказалась беспомощной перед лицом необходимости преодоления экономического и политического кризиса. Уже 3 июня 1917 г.

³² Панков В. К. Горький и советская действительность. М. : Моск. рабочий, 1968. – С. 170.

³³ Пришвин М.М. Дневники. 1944-1945. – М.: Новый хронограф, 2013. – С. 81–82.

на I Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов председатель Петросовета И. Г. Церетели ставит вопрос о политической партии, которая могла бы взять на себя ответственность за политический процесс и события продолжающейся революции, но ответа не получает ни от кого (!), пока ответ не прозвучал на следующий день в выступлении лидера большевиков В. И. Ленина: «наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»³⁴. Горький приветствовал Февральскую революцию, не приняв затем жестокости революции Октябрьской, большевистской, но еще позднее, в 1920-х гг. осознал, что история неизбежно выбрала именно большевиков, потому что значительная часть интеллигенции (Клим Самгин) оказалась годна лишь для суесловия и суемышля. Глубокое постижение психологии этого типа, конечно, было связано не только с тем, что писатель «знал» самгиных лично, как он заметил в упомянутом выступлении на заседании редакционного совета Издательства ВЦСПС в 1931 г., но в определенном смысле носил какие-то черты интеллигента Самгина в себе. «Попытки самоопределения занимают едва ли не самую значительную часть внутреннего пространства большинства изображенных автором персонажей – таких, как, например, Самгин, Лютов, Тагильский, Макаров, Безбедов и многие другие» – пишет о героях Горького Т. Р. Гавриш³⁵.

Объективно же с позиций современности можно посочувствовать русской интеллигенции нач. XX в., столкнувшейся с острой необходимостью найти себя и свое место в потоке русской социальной истории и в условиях кризиса Российской Империи.

Литература и источники

- Адамович Г. В. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького // Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные заметки. В 5-ти кн. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / Подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 117–124.
- Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М.: Худож. литература – 392 с.
- Волков А. А. Художественный мир Горького (Советские годы) М.: Современник, 1978. — 367 с.
- Гавриш Т. Р. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького в литературном процессе 1920 -нач. 1930-х гг. — Дисс. канд. филол. наук. Москва. ИМЛИ РАН, 1999. — 210 с.
- Гавриш Т. Р. Проблема романного сознания («Жизнь Клим Самгина»: Жанр и герой) // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. / Сер. «М. Горький. Материалы и исследования» основана в 1989 г. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 317–355.
- Гладков – Горькому. Москва. 7 VIII. 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 97–99.
- Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 тт. Т. 22. М.: Наука, 1974. — 688 с.
- Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произведения. В 25 тт. Т. 23. М.: Наука, 1973. — 416 с.

³⁴ Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М.: Политиздат, 1969. С. 267.

³⁵ Гавриш Т. Р. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького в литературном процессе 1920 -нач. 1930-х гг. — Дисс. канд. филол. наук. Москва. ИМЛИ РАН, 1999. — С. 151.

- Горький – Пришвину. Сорренто, апрель 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 344–345.
- Горький – Чапыгину. Горки. 16 июня 1933 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 659–660.
- Горький М. / А. М. Горький. Письма к Е. П. Пешковой (1906–1932). В 2-х кн. Т. IX. М.: Наука, 1966. – 479 с.
- Горький М. Собр. соч. В 30 тт. Т. 19. «Жизнь Клима Самгина». 1925–1935. Примечания. М.: ГИХЛ, 1952. – С. 541–545.
- Киселева Л. Ф. «Жизнь Клима Самгина» в зеркале современности // Новый взгляд на М. Горького. М. Горький и его эпоха. Мат-лы и исслед. М.: Наследие, 1995. – С. 98–102.
- Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. М.: Политиздат, 1969. С. 263–276.
- Луначарский А. В. Самгин // Луначарский А. В. О Горьком. М.: Худож. литература, 1975. – С. 84–134.
- Неженец Н. И., Палеева Н. Н. «Жизнь Клима Самгина»: Незавершенный роман Горького // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры. 2018. № 2. С. 46–55.
- Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. 3-е изд. М.: Худож. литература, 1982. – 590 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. С. 13–198.
- Панков В. К. Горький и советская действительность. М.: Моск. рабочий, 1968. – 352 с.
- Пастернак – Горькому. Москва. 23.XI 27. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 304–306.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. – 718 с.
- Пришвин – Горькому. 2-3 ноября 1927 г. // Литературное наследство Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 352–353.
- Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003. – 592 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. – М.: Новый хронограф, 2013. – 944 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1946–1947. М.: Новый хронограф, 2013. – 968 с.
- Твардовский А. Т. Дневник. 1950–1959. М.: ПРОЗАиК, 2013 – 526 с.
- Спиридонова Л. А. Новые аспекты изучения творчества М. Горького (1930-е гг.) // Новый взгляд на М. Горького. М. Горький и его эпоха. Мат-лы и исслед. М.: Наследие, 1995. – С. 98–102.
- Устав Союза Советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Приложение VIII. М., 1934. С. 716 – 718 с.
- Энгельс / Ф. Энгельс – Маргарет Гаркнесс, апрель 1888. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1965. С. 35–37.
- Чуковский К. И. Дневник. 1901–1969. В 2-х тт. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – 638 с.